

ЮЛИЯ НИФОНТОВА

СПАСИ МЯ

РАССКАЗ

Ольге Михайловне снова приснилась бабушка. И хоть умерла она, родимая, полгода назад, приходила она во сне к Ольге Михайловне регулярно, а последний месяц так и вообще каждую ночь. Но если раньше являлась доброй и улыбчивой, какой и была при жизни, то нынче казалась всё больше печальной, то плакала и жаловалась, мол, сердце болит, то просила хлеба: “Внученька, кушать сильно хочу!”, то искала свою гребёночку и никак не могла найти.

Несмотря на занятость и спокойное отношение к религии, Ольга Михайловна зачастила в церковь. За несколько недель благодаря бабушкиным ночным посещениям стала Ольга Михайловна почти завсегдатаем иконной лавки. И теперь на правах постоянного покупателя сама могла раздавать советы, как подавать поминальные записочки и куда ставить свечи “Об упокоении”.

Старания не приводили к желаемому результату. Уж и сорокоуст, и молебны заказывала несчастная Ольга Михайловна, но настырная бабуля еженощно посещала одинокие внучкины покои, печалась и жалуясь पुще прежнего.

Вчера, уже под утро, бабушка с глазами, полными слёз, показывала Ольге Михайловне свои рваные калоши и сетовала, что не пустят-де в таком виде в столицу, а её давненько уж в Москве заждались. Но минувшая ночь предупреждала, что бабушка от тщетных жалоб и слёз переходит к решительным действиям.

НИФОНТОВА Юлия Анатольевна родилась в г. Барнауле, окончила живописно-педагогическое отделение Новоалтайского художественного училища, Алтайский государственный институт культуры и искусств. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в г. Барнауле.

Блуждая по сонному своему государству, забрела Ольга Михайловна в прежний свой старый домик, где жили они с бабушкой до переселения в трёхкомнатную квартиру на центральном проспекте.

Бабушка квартиру никогда не жаловала, обзывала “казёнщиной” и “купированным вагоном”, постоянно тосковала по “беленькому” домику в дебрях забуддыжного частного сектора. Ольга Михайловна любви к “Осипухе”, так называли посёлок имени Осипенко, с огородным рабством, удобствами на улице и печными заботами не понимала, но там, во сне, испытала удивительную радость от посещения родового гнезда.

Тем более что предстал “беленький” домик необыкновенно нарядным. Крохотная кухня была украшена по-новогоднему. Причём ёлка не стояла в традиционной крестовине, сваренной собственноручно ещё молодым дедушкой, всю жизнь проработавшим сварщиком в депо. Душистые колючие пихтовые ветки, увешанные послевоенными игрушками и мишурой, торчали прямо из стен, заполонив всё пространство.

Вдоволь насмотревшись на знакомые с детства ёлочные домики, зверушек, скрученных из проклеенной крашеной ваты, Ольга Михайловна намеревалась покинуть родные пенаты и уже перешагивала порог, как сзади её схватила за рукав до крайности рассерженная бабушка:

— Внучка, да ты когда ж мне лекарство-то купишь? Сколько ж можно ждать? Или ты не видишь, как баба мучится! Сто раз сказала, купи мне таблетки: от головы... от сердца... от глаз... от дыхания... и коришные — “Сенну”, штоб на двор сходить!

Ольга Михайловна за всю жизнь, прожитую вместе с “мамой старенькой”, ни разу не видела её столь агрессивной, поэтому очень испугалась. Этот “страшный” сон укрепил в Ольге Михайловне решимость сходить хоть раз в жизни на исповедь и причаститься. Это, как последнее средство избавления от ночных кошмаров, посоветовали престарелые соседки — бывшие бабушкины подружки. “Ну, что ж, выхода другого не вижу, — вздохнула несчастная ночная страдалица, — придётся испробовать все способы!”

Внезапное и неприятное пробуждение помогло начать утро долгожданной пятницы, её выходного дня, раньше обычного, и не празднично нежиться в постели, тупо просматривая неинтересные оздоровительно-семейные телепередачи, а поторапливаться к службе.

К исповеди Ольга Михайловна подготовилась со всем учительским усердием. Прочитала брошюрку “В помощь кающемуся”, молилась и постилась, как рекомендовала литература. Выписала свои грехи, чтоб ничего не пропустить. Рассовала по карманам мелочь, чтоб не подавать крупную купюру, когда начнут обходить мирян старушки с белыми тазиками для пожертвований. Затем, подумав, взяла свежий носовой платок, так как заметила за собой некую странность — с неизменным постоянством плакать во время службы.

Впервые со времён самой нежной юности Ольге Михайловне предстояло выйти на улицу без макияжа, да ещё повязав бабушкину “шалёнку”: “Только б никого из учеников не встретить!” Но даже этот ужасный “прикид” не портил спелую красоту женщины. Уходя, Ольга Михайловна глянула на себя в зеркало и вспомнила разговор с бабушкой:

— Бабуля, вот ты скажи, чем я плохая? Почему всегда одна? Я ж всех наших школьных мужних жён по всем статьям лучше, почему мне счастья нет?

— Всем ты, внучка, хороша. Красотуня ты моя! Просто кукла каменна, только судьбы тебе нет! Без судьбы, вот и всё.

— Неужели я родилась только для того, чтобы плакать?

— Не расстраивайся — у других вон ещё хуже бывает!

Выходя из подъезда, Ольга Михайловна вновь не избежала неприятной встречи с врагом, точнее, с его автомобилем. Соседский джип, нагло заехав колесом на клумбу, как огромный синий кит, казался, занял половину двора. И хоть скудный бывший бабушкин “розарий” ещё покоился под ноздреватой чёрно-белой коркой наста, надутый мрачный “хозяин жизни” всем своим видом показывал дворовому планктону, что ему здесь дозволено всё.

Недели две назад Костик — хозяин этого жуткого монстра, имел неосторожность залить квартиру Ольги Михайловны, живущей этажом ниже. Когда вода хлестала с потолка, подобно майскому ливню, Ольга Михайловна, словно весенний первый гром, билась в бронированную дверь хамоватого соседа. Прошедший свои университеты в бандитские девяностые, а ныне директор некоего мифологического пиар-агентства, Костик ответил сообразно полученному воспитанию и занимаемой должности:

— Кто бля? Чё нна? Пошла нна...

Чудесный дождь продолжался, пока аварийка не перекрыла воду во всём доме. Когда Ольга Михайловна осмелилась заикнуться о компенсации за ремонт, Костик повторил уже слышанную ею ранее фразу в тех же уничижающих интонациях.

— Слышала, Костика-то ночью на “скорой” увезли. В дурдом с белой горячкой, — жизнерадостно сообщила скачущая по лужам с мусорным ведром соседка-сплетница по кличке Гостелерадио, — Анжелка-то его месяц назад бросила, вот он и пьёт, как бешеный слон.

— Есть всё-таки справедливость на свете.

— Ох, и не говори!!! Прости, Господи, мою душу грешную и спаси мя!

...У высоких ступеней храма паслась стайка попрошаек, которых Ольга Михайловна демонстративно игнорировала: “Ишь, наглые морды! Самой бы кто подал!” Перед входом она с достоинством перекрестилась и выключила мобильник, как того требовала инструкция на массивной двери.

Высокий приятный женский голос шелестел молитвы, в которых поначалу невозможно было разобрать ни слова. Прихожане постепенно подтягивались, как нерадивые ученики с обеденной перемены. Где-то сверху, с небес ударил колокол, сотрясая основы дарвинизма; священнодействие началось...

* * *

Таюшка не понимала, за что её так жестоко истязают и кто эти строгие люди, что смотрят за ней и которых невозможно слушаться. Впрочем, наказание было не столь болезненным, сколько унижительным. Вон, другие гуляют себе свободно в красивых нарядных одеждах, а ей приходится стоять в одной фланелевой ночнушке босиком на высоком постаменте посреди огромного зала.

То, что по всему бескрайнему мраморному пространству ярко освещённого белоснежного помещения в хаотичном порядке разбросаны такие же показательные возвышения с наказанными, девочку мало заботило. Ведь, может, эта публика, что томится на других позорных подиумах, состоит сплошь из закоренелых преступников, которые заслуживают наказания и пожёстче. Но она-то, худенькая двенадцатилетняя девочка с белокурыми кудряшками и невинными синими глазами, за что?

Но вон та чернявая ровесница тоже мало походит на закоренелую преступницу. Хотя, судя по тому, как негрityночка стрижёт по сторонам быстрыми масляно-чёрными глазами, стянуть что-нибудь может запросто.

Эшафоты с узниками были оборудованы индивидуально. Словно безумный архитектор придумывал каждому заключённому неповторимый гармонирующий с личностью обитателя дизайн. Таюшкино место представляло собой каркас авангардного глобуса, внутри которого, как в клетке, и скучала пленница. Глобус был эллипсообразно вытянут, а его параллели и меридианы из благородных сортов дерева переплетались в самых неммыслимых направлениях.

Но это гораздо лучше, чем быть прикованной цепями к письменному столу или сидеть в металлической клетке, как соседи неподалёку. Таюшкино наказание: стоять подолгу в одном положении, вытянув руки вверх, пока всё тело не начнёт ныть. Тогда двое надсмотрщиков, не говоря ни слова, позволяют ей сменить позу. Маленькой узнице иногда даже разрешается покидать деревянный остов и разминать затёкшие руки и ноги, не отходя от своего подиума. Но как только боль проходит, и Таюшка начинает глазеть по сторонам

на праздно шатающихся счастливиц, два её стража, мужчина и женщина, непостижимым образом мысленно загоняют девочку на прежнее место.

Вот и соседская чернушка тоже не прикована, не связана, да и клясть у неё комфортабельнее — как будто из мягких, обитых бархатом перил тратального балкона. На такие прутья и опереться — удовольствие, не то что на голые деревяшки, хоть и из карельской берёзы.

Разговаривать вслух нельзя даже с собой, сразу рот сковывает судорогой и голос пропадает. Услышать, о чём переговариваются люди вокруг, невозможно, шелест слов складывается в тихий неразличимый гул. Единственное занятие — прислушиваться к своим мыслям и внутреннему голосу.

Когда посетители гигантского манежа с выставленными на всеобщее обозрение живыми экспонатами равнодушно проходят мимо — это ещё полбеды. Хотя становится немножко обидно — значит, все другие “Картинки с выставки” занимательнее, чем она, трогательная, нежная и незаслуженно обиженная девочка. Если же вокруг постамена вдруг скапливается многолюдная толпа зевак, что начинают бурно обсуждать обитательницу деревянного эллипса, беззастенчиво разглядывая и тыкая в неё пальцами, Таюшка начинает волноваться. Но позу менять нельзя, поэтому появляются слёзы стыда и бессилия, от которых ещё конфузнее стоять перед зрителями.

* * *

В коллектив кающихся грешников Ольга Михайловна влилась сразу. Робеющая группа жаждающих отпущения грехов держалась чуть обособленно и обладала незримой, но явно ощутимой солидарностью. “Пусть хоть что вопят атеисты, а мне хорошо чувствовать себя маленькой частичкой великого чуда. Или, как сказала бы одна наша “рехнутая” историчка: тянет присоединиться к великому эгрегору, стать составляющим звеном мирового разума. Пусть так. Главное, что тут нет этого гнетущего, высасывающего душу одиночества!”

Ольга Михайловна быстро втянулась в ритм молитв и поклонов. Монотонным действием можно было назвать только на первый невнимательный взгляд. На самом деле постоянно что-то менялось. То присоединялись к песнопению новые голоса, то резко замолкали, но потом вновь возвращались. Плотный юноша в золочёном облачении сосредоточенно окуривал храм ароматом ладана под переливы серебряных колокольчиков. Постоянно что-то двигалось, менялось.

Наконец к страждущим вышел исповедник. Его слова утонули в молитвенной мелодии с клироса, перекрывающей тихий голос. Но то, что он говорил, было и так понятно: к исповеди допускаются те, кто готовился.

Время потекло медленнее, в душе стало расти волнение. Как язык повернётся рассказать все тайные пакости? К тому же батюшка уж слишком молод и хорош собой...

Глаза Ольги Михайловны то и дело наполнялись слезами. И тогда перед взором плыли длинные сверкающие нити. Всё сливалось в переливающиеся пятна: золото иконостаса, парчовые одежды священнослужителей, пульсирующие живые сердечки свечей.

Кто-то из церковных бабушек приоткрыл боковую дверь для того, чтобы немного проветрить помещение. На улице кипел рабочий день. За фигурными прутьями церковной ограды виднелось крыльцо юридического колледжа. Молодые люди и девушки высыпали во время перерыва подышать свежим весенним воздухом, точнее — отравиться сигаретным дымом.

Ольгу Михайловну поразил контраст между тёплым уютным мерцающим интерьером храма и холодным серым прямоугольником видимой улицы. Женщина почувствовала себя под защитой непобедимой заботливой материнской силы, которой лишены маленькие человечки там, на заплёванном, полубрушенном крыльце.

Студенты жадно курили, гоготали и задирались, как пятиклашки из класса выравнивания... Особенно неприятно было смотреть на девушек в по-

стыдно-коротких юбках (как бабушка говорила: “Ажно до самой матушки!”). Привычная студенческая распушенность вскрикивала на разные голоса:

— Дай сигаретку, не жопься!

— Щас чё у нас?

— Барыгу закрыли наглухо, слышь...

“Надо же! Обезьяний питомник похлеще нашего среднего звена!” — удивилась про себя Ольга Михайловна и вздохнула спокойно, когда двери в реальный мир заботливо прикрыли.

Меж тем несколько человек уже получили отпущение грехов. В первую очередь по церковной традиции вперёд пропустили всех немногочисленных мужчин. Как в любой компании, сразу выделился лидер — самый знающий и активный, им оказалась коренастая бабка в шляпе. Она одна знала, кому пора идти, а кому ещё нужно подождать, подравнивала всех и следила, чтоб никто не заступал воображаемой линии. По её распоряжению вперёд была пропущена беременная прихожанка. А также устранены разнообразные нарушения дисциплины: перестали стучать каблуками “две кобылы”, одна глупая девчонка отправлена за “общественным” платком, а пожилая тётя отчитана за то, что догадалась заявиться на исповедь в брюках. “Наверное, эта бабка — завуч бывшая, — догадалась Ольга Михайловна. — Хотя, как говорится, бывших завучей не бывает”.

Рядом с собой Ольга Михайловна заприметила необычную прихожанку. Девушка в нежно-голубой куртке имела ярко выраженные африканские черты. Тем не менее, экзотическая для сибирских широт внешность не лишала её обладательницу права приобщиться святого таинства причастия. Ольга Михайловна искоса поглядывала, отмечая про себя оливковый оттенок кожи, пухлые вывернутые губы, чёрные, густые ресницы при полном отсутствии туши.

Постепенно Ольгу Михайловну словно засасывало в воронку. Куда-то утекли раздражение на усердно падающих на колени старушек, на подлого соседа и протёкший потолок. На предстоящую в следующем году защиту категории и непослушных семиклассников, к уроку с которыми нужно целую неделю готовить себя морально, как к посещению стоматолога. Вскоре её перестали отвлекать мелочи: скрип дверей, служки, просеивающие через ситечки песок в чашах для свечей, и вообще всё на свете отошло на задний план, стало совершенно несущественно.

Вместе с тем крепло в душе ощущение словно бы раскрывающегося цветка. Радость наполняла её, как пустой сосуд золотиносным живым светом, а голодная душа напивалась им, как новорожденный телёнок материнским молоком. Вскоре в мыслях не осталось ничего, кроме молитвы, плавающей в спасительной пустоте.

Утренняя служба шла быстро, но батюшка не торопился, с каждым вкрадчиво беседовал, прежде чем накрыть голову прихожанина краем чёрной материи и перекрестить. К исповеди Ольга Михайловна пошла одной из самых последних, пропустив и активистку в шляпе, и афро-сибирячку в голубой куртке.

Поклонившись оставшимся собратьям и как бы прося у них позволения идти на исповедь, Ольга Михайловна подошла к священнику. Слова пришли сами, хоть батюшка никак не помогал исповеднице, а только внимательно слушал. В первые секунды Ольга Михайловна совсем не узнала своего голоса, он стал чужим и скрипучим. С большим трудом она выдавливала из себя фразу за фразой, но чем дальше продвигалась, тем легче лилась речь, крепились связи, возвращался голос:

— Батюшка, я грешна во всех грехах. Первое и самое главное, несколько лет жила с женатым мужчиной. Понятно, что не венчаны, не расписаны. Потом после разрыва с ним ещё встречалась с двумя. Грешила. — В носу предательски засвербило. Потекло одновременно из глаз и из носа. Ольга Михайловна едва успевала промокать потоки носовым платком.

Молодой батюшка словно не замечал её жалкого положения, уважительно кивал, глядя как бы сквозь неё необыкновенными вишнёво-кариими глазами, изливающимися волны искреннего сочувствия и нежности. “Как же он

похож на иконописные образы! Почему глаза словно вишнёвыми кажутся? Таким не соврёшь — в душу смотрят. Вроде как издалека совсем другим казался, не таким красивым”, — промелькнуло удивление Ольги Михайловны.

— Ещё, батюшка, зло меня съедает. А одного мужчину — соседа я прямо ненавижу. Постоянно зла ему желаю, а иногда даже смерти. Хотя молось, пытаюсь убрать такие мысли, а ничего с собой поделывать не могу. Да и вообще всего до кучи: и чревоугодие (с поста постоянно срываюсь), и жадность какая-то развилась в последнее время. И ещё не могу противостоять несправедливости — трушу сказать, что кто-то не прав, или когда сплетничают про кого-то, не могу сказать — прекратите, молчу и всё, не знаю почему... А ещё я вот забыла. Пока тут стояла в очереди, поняла, что постоянно осуждаю людей! Даже здесь, в храме критикую, а сама критики не терплю. Но чаще всего завидую. Страшно завидую женщинам, у которых есть мужья, особенно если хорошие, непьющие. Я их тоже ненавижу временами и злорадствую, если у кого-то мужик запьёт или загуляет... Дети меня страшно раздражают. Но я вынуждена с ними работать. Срываюсь, бывает, на них. Одновременно завидую тем, у кого дети удачные. У меня-то так теперь уже и не будет никогда... Уныние, пессимизм заедают, не верю я в лучшее. Не верю, что может измениться моя жизнь к лучшему. Плачу каждый день. Жалею себя ужасно. Сегую на судьбу... — всхлипывания прервали исповедь, и Ольга Михайловна уткнулась в мокрый платок, не в силах побороть сдавленные рыдания.

Сначала Ольга Михайловна не понимала, что говорит светлый лик, просто было очень тепло и приятно от причастия к непобедимой энергии света и справедливости, чему-то в наивысшей степени доброму и любящему именно её — Ольгу. Постепенно она успокаивалась, и смысл сказанного стал доходить до сознания:

— Поймите, матушка, ведь это не от того Господь посылает вам столь суровые испытания, что хочет наказать вас. Наоборот, посылает вам их от любви, чтобы открыть путь вашей бессмертной душе в Царствие Небесное. Ваш крест тяжёл, очень тяжёл, полон скорбей и испытаний. Но не каждому даётся такая великая радость и столько Господней любви. Чем больше испытаний Он вам посылает, тем больше доказательств Его особой о вас заботе...

Однажды Святитель Амвросий и его спутники, как рассказывает блаженной памяти старец Паисий Святогорец, посетили в странствиях дом одного богатого человека. Видя роскошь обстановки, Святитель спросил хозяина, испытывал ли тот скорбь хоть раз в жизни. Хозяин ответил, что живёт настолько прекрасно, что никакие скорби, болезни и печали никогда не посещали его дом. Тогда Святитель, горько заплакав, сказал своим спутникам: “Уйдём отсюда поскорее, потому что этого человека никогда не посещал Господь!” И как только они вышли на улицу, дом богача рухнул... Вам, матушка, нужно жить церковной жизнью. Господь не оставит вас. Каетесь в своих грехах?

— Каюсь!

* * *

Казалось, Таюшка уже вполне смирилась со своей участью и даже начала испытывать тихую радость от постоянного диалога с самой собой. С недавнего времени к этому внутреннему голосу добавилась и внутренняя музыка, поначалу тихая, часто прерывающаяся, она крепла и теперь звучала в голове постоянно, меняя тональность в зависимости от настроения. Тревожные мятущиеся скрипки сменил величественный орган. Под эти многоголосые фути Таюшка “поплыла” — расслабилась, и терзающие её обиды и непонимание ослабили свои железные клещи.

Таюшка теперь без злости и зависти смотрела на проходящих мимо людей. И находя наблюдение как никогда занимательным, пыталась представить судьбы людей, их настроение и характер. Занятие столь увлекло, что Таюшка прозевала тот момент, когда удалились её строгие стражники. Незнакомый резкий голос нарушил гармонию созерцательности, Таюшка

вздрогнула от неожиданности и удивления — непривычно было слышать, а главное — понимать, что тебе говорит кто-то другой:

— Привет, соседка!

— Здравствуйте, — автоматически ответила Таюшка и ещё больше удивилась, услышав свой собственный не внутренний, а самый обыкновенный голос. Оказывается, она умеет говорить!

Неожиданной собеседницей оказалась та самая чернокожая девочка с ближайшего бархатного постамента.

— Я Иза.

— Иза? Это значит Изольда или Изабель?

— Срочу не угадаешь! Это всё причуды моей безумной мамочки.

— ?

— Сначала она родила меня от какого-то негра из бродячего цирка, а потом ещё вдобавок назвала Изадорой, потому что фанатела от пластического театра такой же сумасбродной Дункан. Но я её надежды сделать из меня балерину не оправдала. В хореографическом училище, куда она меня затолкала, комиссарша сказала, что я буду слишком контрастировать с белой пачкой, зрители засмеют. — Иза заливисто захохотала, обнажив крупные ровные, как добрый чеснок, зубы.

— Всё это очень странно... И то, что мы раньше ни с кем не разговаривали, и то, что за нами больше никто не следит?

— Я-то давно заметила, это ты ворон ловишь. Я к тебе за этим и пришла.

— ?

— Давай сбежим?

— А разве это возможно?

— Конечно! Я сто раз видела, когда конвой бросает своего клиента, а тот покидает эшафот. Ну, чего ты рот открыла, я тебе говорю, мы свободны! Можем просто так уйти, а можем вообще за одну секунду оказаться в другом месте, далеко-далеко.

— ?

— Ну, ты тормоз! Вот ты куда, например, хочешь?

— Я н-не знаю... Я ещё не вспомнила, что я люблю...

— Тогда держись крепче!!!

Таюшка по примеру новой знакомой уцепилась за изогнутые деревянные дуги эллипса. Проворная, как мартышка, Иза стала, отталкиваясь одной ногой, раскручивать конструкцию подобно детской дворовой карусели. К удивлению, бывшая тюрьма быстро поддалась и набирала обороты с невероятной скоростью. Девочки закружились внутри колеса, как будто на чудной центрифуге готовились в отряд космонавтов.

— Мы сейчас напоминаем человека, нарисованного Леонардо да Винчи, — пришла в Таюшкину голову неожиданная мысль. — Он там так же в каком-то колесе торчал, растопырив руки и ноги. Да-а... нам тут не до золотого сечения...

Скорость зашкаливала, ветер свистел в ушах. Привычная картина эклектичного интерьера гигантского выставочного зала: мраморный пол в шахматную клетку, колонны мыслимых и немислимых ордеров, многосвечные и многоламповые помпезные люстры, пёстрые компании посетителей... — всё слилось в одну разноцветную полосатую дорожку, а примолкнувшие на минуту в Таюшкиной голове органные фуги сменились на небесные перезвоны хрустальной гармоникки...

* * *

Причащаться святым даром Ольга Михайловна шла за чернокожей девушкой. Все допущенные к таинству больше не спорили, кому идти первому, а степенно и умиротворённо подходили к чаше, держа руки скрещёнными на груди.

Проглотив маленький красный кусочек, вынутый длинной ложечкой, Ольга Михайловна, как все, поцеловала край золотой чаши и пошла совер-

шенно счастливая. На пути выплыл квадратный столик, похожий на тумбочку, застеленный белой скатертью и уставленный угощением. Две добрые женщины протянули ей маленький, будто игрушечный ковшечек, с каким-то вкуснейшим напитком. И как самую большую драгоценность, Ольга Михайловна осторожно взяла два крошечных кусочка нарезанной булочки.

Блаженно улыбаясь, Ольга Михайловна словно поплыла под куполом, перебирая взглядом гитарные струны золотых лучей, что пронизывали спокойный сумрак храма. К ней вдруг вернулось давно позабытое детское знание бесконечности жизни и того, что смерти нет вовсе, и нет на свете ничего непоправимого, и, возможно, завтра всё может измениться самым волшебным образом... и непременно к лучшему...

Служба закончилась, а Ольга Михайловна не торопилась уходить. Сначала она пошла в иконную лавку — написать любимые записочки, которые всегда подавала, посещая храм. Неожиданно для себя самой на бумажке, озаглавленной “О здравии”, вписала последним, под номером десять, имя — Константин. Что Костик крещёный, она не сомневалась, сосед любил мыть свою машину обнажённым по пояс с “вервием на вые”... Поражая как могучим борцовским торсом, так и массивностью золотых украшений.

Служительницы копошились у Распятія, готовя место для поминальной службы. Ольга Михайловна кушила большую восковую свечу, источающую тонкий медовый аромат, и поставила её на заупокойный подсвечник, читая молитву, прикреплённую, как простое объявление.

Она прочитала молитву трижды, кося глазом на листок на стене, как всегда не удержавшись от собственных дополнений: “Упокой, Господи, души рабов Твоих: сродственников и благодетелей моих и всех православных христиан. И прости им согрешения вольные и невольные и даруй им Царствие Небесное! А особенно прошу Тебя за мою милую любимую бабушку — Таюшку!”